

Социокультурный капитал художественных практик как интервенций

Современные арт-практики, работая в режиме интервенций, являются актуальным искусством, способным пересекать всевозможные границы, но при этом сохранять свою сущность в качестве искусства. Они «включают в себя разработку и «выпуск в жизнь» различных объектов, акций, систем информации, которые являются прагматическими в их социальных и политических интенциях» [3]. Искусство пытается решать социокультурные задачи.

Во-первых, арт-практики как интервенции выступать в качестве критика современных институтов. Но это не означает, что они носят протестный и конфронтационный характер. Иначе арт-практику невозможно оценивать с эстетических позиций. Такие высказывания художников становятся «жесткими» и не несут возможности что-то решить в сообществе. А «мягкая» версия обнаруживает себя в "искусстве взаимодействия" и в этике консенсуса; "жесткая" версия синонимична представлениям о бесконечном зле и выражена в искусстве, посвященном неутолимой скорби по состоявшейся катастрофе» [1]. Таких художников наказывают репрессивным политическим методом (достаточно вспомнить тюремное заключение участниц группы Pussy Riot). Сумев подметить «болевые точки» современного общества и воплотив их в художественные жесты, арт-практики выступают неким социальным «барометром».

Во-вторых, арт-практики как интервенции работают с исторической памятью человечества, вскрывают исторические нарративы. Действуя в рамках культуры постмодернизма, которая постоянно играет с совмещением исторических пластов, позволяя ему свободно смешиваться в режиме реального времени, арт-интервенции способны вскрывать историческую память. Так, перформанс «Белая Башня», описанный в предыдущем параграфе, показывает,

как практика живого взаимодействия со зрителем, непосредственный контакт создателей и исполнителей перформанса заставляют жителей района Уралмаша преодолеть стереотип района, наполненного мертвой памятью. История Уралмаша и Белой Башни оживает, обретает новые смыслы, сообразные человеку, здесь проживающему. Кроме того, сама попытка ревитализировать советскую память о башне является неким защитным жестом, попыткой самоидентификации городского сообщества в пространстве постсоветского города. И даже если арт-интервенция в некоторой степени снимает патетический пафос исторической канвы, арт-объекты постоянно ре-актуализируют эту память, позволяя ей существовать в настоящем.

В-третьих, арт-интервенции являются пространством конституирования сообщества. Арт-практики, работающие с теми или иными объектами на теле городов, создавая места встречи людей, становятся катализатором для организации сообществ.

Так, художники открывают новые способы «смотрения» на образ места обитания местных жителей. Для таких интервенций определяющим становится контекст, в котором разворачивается событие. Направленные на то, чтобы работать с локальным пространством и местным сообществом, арт-практики позволяют создавать сообщества, делая пространства публичными – создающими сообщество, где есть точки соприкосновения людей. Б. Гройс, говоря о публичном пространстве, отмечает, что для его создания необходимо «публичное взаимодействие или конфликт» [2]. Соответственно, заранее созданного публичного пространства не существует, оно конституируется только тогда, когда люди могут находить точки пересечения своих траекторий перемещения в городе.

Так, арт-практики, которые разворачиваются в городском пространстве или активно задействуют зрителя, направлены на создание таких точек пересечения и встреч людей друг с другом. Но это не предметы утилитарного характера. Здесь уместно привести цитату К. Бишоп: «искусство понимается одновременно как пространство, слишком далекое от реального мира, и вместе

с тем единственное пространство, где еще возможны эксперименты» [1]. Значит искусство, создающее ситуации взаимодействия людей друг с другом или захватывающее зрителя, позволяет смоделировать такую ситуацию, которая могла бы иметь место в реальности, и увидеть результаты такой ситуации.

Современные арт-практики, внедряясь в те или иные сферы, заставляют людей решать что-то. Они выводят человека из повседневной комфортной зоны, подстегивая менять что-то в том месте, где они обитают, менять что-то внутри себя. Это не «шоковая терапия» практик акционизма, чей результат не задает возможности людям что-то сделать. Арт-интервенции скорее будут заставлять зрителя тревожиться и волноваться, чем радикально на чем-то настаивать.

Литература

1. Бишоп К. Социальный поворот в современном искусстве // Художественный журнал. 2005. № 58/59.
2. Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу [Электронный ресурс]. URL: http://bookz.ru/authors/boris-grois/publi4no_840/1-publi4no_840.html.
3. Сорокина Е. От модернизма к интервенционизму: «темная материя» для светлого будущего // Художественный журнал. 2006. № 61/62.